

МОЛОДЕЖНАЯ
НОВОЕ В
ЖИЗНИ
1967
науче
техники
23
Х С Е Р И Я

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ...

А. П. ОКЛАДНИКОВ,

**член-корреспондент
Академии наук
СССР**

**ПИШЕТСЯ
ИСТОРИЯ
СИБИРИ...**

**Издательство
«Знание»
Москва
1967**

90
0-50

1-6-2

На «диком берегу Иртыша» стоит «объятый думой» суровый воин, закованный в тяжелые бронзовые латы. В руках его боевая секира, на груди распростер широкие крылья двуглавый золотой орел, дар царя. Не о тяжести ли царского дара думает свою думу казачий атаман? И не о том ли, где ждут его дружину, казаков и беглых от боярского гнета холопов, вольная воля, нетронутая плугом земля — мужицкое счастье?

Таким предстает Ермак в бессмертной скульптуре Антокольского и в песне декабриста Рылеева, которую донныне поет вся Сибирь.

Рядом с Ермаком, из глубины минувшего встает и другой образ, изваянный Антокольским, величественный и трагический, до конца еще не понятый историками. Так история словно свела царя — покорителя Астрахани и Сибири, последних гнезд татарского ига на Руси, с предводителем казачьей вольницы.

В песне Рылеева присутствует еще один царь — хозяин Кашлыка, столицы сибирского ханства, шейбанид Кучум. «Презренный царь Сибири...» — сказал о нем поэт-декабрист. Впрочем, Кучума нельзя считать царем Сибири в полном смысле этого слова: он был всего лишь одним из тех хищных степных феодалов, которые сменяли и убивали друг друга в мутном мареве междоусобиц после развала империи Тамерлана. Реальная власть Кучума едва ли распространялась дальше самого Кашлыка. Но Рылеев смотрел на Ермака и Кучума глазами народа, и с тех пор в песне стоят друг против друга молвой неразлучные храбрый воевода и коварный татарский царь.

А тогда, много веков назад, за Иртышом для Ермака

еще лежала огромная и неизведанная земля — Сибирь. Необъятные просторы то тайги, то тундры, то степей. Где-то плескались холодные волны Байкала, а совсем далеко гремел прибой Тихого океана...

Все это Ермаку могло рисовать только его воображение. Со своей дружиной он сделал лишь первый шаг в эту страну солнечного восхода. Навстречу солнцу, на «край света», туда, где старинные легенды и хронографы помещали сказочные народы «Гога и Магога», придут уже другие.

Удивительная жизнь и подвиги Ермака стали достоянием легенд вскоре после его гибели в водах Иртыша. Смерть Ермака долго еще не давала покоя его врагам. Татарская легенда, сохраненная сибирским летописцем Ремезовым, передает, как воины Маметкула и Кучума стреляли в мертвое тело атамана из луков. К ужасу татар кровь лилась из него как из живого. Птицы не смели клевать труп и испуганно шарахались в сторону, а ночью над могилой сиял огненный столб. Похоронив Ермака «под кудрявой сосной» на своем Бегишевском кладбище, татары насыпали над ним высокий курган и, чтобы успокоить грозный дух, устроили богатую поминальную тризну: на ней было съедено 30 быков и 10 баранов. Такими поминками жители степей издавна чтили память своих героев.

...Прошло тридцать шесть лет после тризны у Епанчинских юрт, и первый сибирский митрополит Киприан собрал в Тобольске старых казаков, сподвижников Ермака, чтобы записать их рассказы о былых сражениях и походах. С тех пор в соборной церкви в Тобольске пели вечную память павшим в боях за Сибирь, а в сибирских городах завелись собственные сибирские летописи.

История Сибири начиналась, впрочем, не только летописями. Сосланный в Тобольск, Юрий Крижанич впервые назвал свою рукопись о Сибири и ее народах, написанную им на латинском языке, «Историей Сибири». В XVIII веке

была создана первая академическая многотомная «История Сибири» Г. Ф. Миллера, до сих пор поражающая массой фактов и вложенного в нее труда.

С тех пор прошло много лет. История Сибири, исторические судьбы ее народов неизменно привлекают все большее внимание историков в нашей стране и за ее пределами. В 1963 году, например, вышла в Токио книга Като Кюдзо объемом в 200 страниц иероглифического текста, написанная, кстати, со знанием дела, достаточно объективно и с явной симпатией к новой социалистической Сибири.

Интерес к прошлому Сибири понятен: речь идет об огромной территории в 10 миллионов квадратных километров!

Сибирь поражает воображение не только своими размерами, но и колоссальными ресурсами производительных сил. В ее недрах большая часть разведанных в стране запасов угля, нефти, газа, золота, алмазов, цветных и редких металлов, не говоря уже о традиционном богатстве края — пушнине. «Эти богатства известны всему миру. Безбрежные лесные просторы, каких не знают ни Канада, ни США, и лежащая среди них Братская ГЭС, равной которой нет в мире. Это сочетание природных богатств и индустриальной мощи явилось самым глубоким из первых впечатлений о Советском Союзе», — сказал после посещения Братска один из крупнейших промышленников Японии Асада.

И на этой огромной территории историк сталкивается со множеством самых неожиданных фактов, противоречащих порой «здравому смыслу», иногда так и остающихся загадками или парадоксами. С некоторыми из удивительных загадок истории читатель встретится на страницах этой книжки.

Для археолога и историка Сибирь — бесценная лаборатория. Подумайте, страна (Сибирь без оговорок можно назвать этим титулом!), где даже при сегодняшних дости-

жениях науки и техники жизнь все еще сурова, была заселена в некоторых местах не позже многих более благоприятных районов.

Когда-то великий русский писатель и революционер А. Н. Радищев в «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири» впервые четко и определенно поставил перед собой задачу показать историю Сибири уже не как простой перечень событий, относящихся к деятельности русских царей и императоров, а как историю всех населяющих ее народов, притом на всем ее протяжении, начиная с темных глубин каменного века. Сегодня эти народы обрели новую жизнь, создавая свою собственную социалистическую экономику и культуру.

Говоря о народах Сибири, мы нередко применяем термин «коренные народы», подразумевая под этим словом потомков населения Сибири, обитавшего здесь до прихода русских. Разумеется, этот термин условен. За триста лет русские стали таким же коренным населением Сибири, как и все другие ее обитатели, они внесли огромный вклад в жизнь и культуру ранее живших там народов.

Да и те из народов, которых мы называем коренными, одни пришли в Сибирь раньше, другие — позже. Однако, все-таки, перевалив за Урал, русские обнаружили много племен и народностей, живших здесь веками и тысячелетиями. На территории Сибири живут представители различных языковых групп, каждая из которых имела свою историческую судьбу, создала свои культуры. Многочисленные тюркоязычные народности представлены здесь, начиная с потомков Кучумовых татар и кончая самыми северными в мире тюрками — якутами. На побережье арктических морей — финноугры и ненцы, у Байкала и за Байкалом — монголоязычные буряты, в тайге, от Хингана и до Ледовитого океана — многочисленные группы, говорящие на тунгусском языке, в том числе амурские племена, нанайцы и ульчи. Наконец, ученым еще в XVIII веке

стали известны загадочные «палеоазиаты», чьи языки не похожи на все другие и вместе с тем резко отличны друг от друга: чукчи, коряки, ительмены и юкагиры на северо-востоке, кеты — на Енисее.

История Сибири, следовательно, есть история не только огромной страны, не только колоссальных ее пространств и их освоения, но и всего этого разноязычного и разнокультурного множества племен и народов, а вместе с тем история их сложных связей и отношений с народами не только соседних, но нередко и весьма отдаленных стран Востока и Запада. Короче,— это неотъемлемая, значительная часть всемирной истории.

Кроме того, эта история — столь же обширна по масштабам, по сложности стоящих перед исследователями проблем, сколь мало изучена и исследована. Во многом еще таинственная и загадочная, она полна «белых пятен», провалов и пробелов, часто на самых интересных, наиболее важных ее страницах.

Если Миллер мог ограничить свои задачи простым описанием хода событий, не пытаясь заглянуть в глубину этого потока исторических фактов, если он имел перед глазами панораму каких-нибудь ближайших двух веков, то в наше время громада проблем сибирской истории усложнилась и выросла неизмеримо.

Историк нашего времени должен охватить своим взором груды документов, накопившихся после Миллера, обобщить колоссальный фактический материал. Он призван критически рассмотреть работы своих предшественников и пойти далеко вперед по сравнению с ними, руководствуясь материалистическим пониманием исторического процесса. Ему надлежит как бы вновь увидеть прошлое народов Сибири и проследить его от истоков истории до сегодняшнего дня. И даже более того — увидеть день завтрашний.

Разумеется, одному человеку сегодня не под силу ра-

бота такого масштаба, хотя бы он и обладал талантом Ключевского или трудолюбием Соловьева и Карамзина. Такой труд мог принять на свои плечи только коллектив и притом хорошо организованный, крепко спаянный единством цели.

Изучение прошлого народов Сибири и Дальнего Востока, проживающих между Уралом и Тихим океаном, уже давно входит в число важнейших задач советской исторической науки. В прошлом отсталые, подвергавшиеся жестокому национальному гнету со стороны царизма, народы Сибири и Дальнего Востока в беспрецедентно короткий исторический срок прошли замечательный, насыщенный событиями путь. Развитие многих из них — от первобытной общины, минуя феодализм и капитализм, к социалистической жизни и коммунистическим общественным отношениям — служит прекрасным примером для слаборазвитых народов земного шара, борющихся за свое освобождение от ига колониализма.

Осветить это развитие во всем многообразии с древнейших времен до наших дней — такова цель «Истории Сибири», капитального исследования, задуманного несколько лет назад советскими сибиреведами. Эта история охватывает две тесно связанные друг с другом темы: прошлое дорусской Сибири, то есть те события, которые происходили до присоединения ее к Русскому государству, и события, развернувшиеся здесь после появления русских за Уралом. Изучая историческое прошлое Сибири, авторы коллективного труда намеревались показать, как постепенно все теснее сближались народы Сибири с русским народом, как в борьбе с царизмом закладывались основы дружбы народов, как изменилась жизнь этого края после Великой Октябрьской социалистической революции в результате осуществления ленинской национальной политики, в ходе строительства социализма и коммунизма.

И вот на столе у меня лежит пачка томиков: макеты,

полуфабрикаты пяти томов академической «Истории Сибири», подготовленной к печати коллективом Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске в содружестве с историками других сибирских городов — Иркутска, Томска, Омска, Кемерово, Улан-Удэ, Читы, Якутска, Магадана, Владивостока, Хабаровска — и Центра. Около двухсот ученых приняло участие в создании этого труда. Три тома «Истории Сибири» из пяти (I, II, IV) уже сданы в издательство Академии наук и готовятся к выходу в Ленинграде к пятидесятилетию Октября.

Перелистывающему страницы «Истории Сибири» открывается грандиозная панорама исторического процесса, смена больших и малых событий, происходивших на пространстве от Урала до Тихого океана, по крайней мере за 20—30 тысячелетий.

В поисках первых обитателей

Когда и как был заселен север Азии? Этот вопрос, кстати, один из первых, который вообще, не может не заинтересовать историка, до сих пор до конца не решен.

Археологические находки показали, что древнейшие следы деятельности человека на севере Азии уходят глубоко в прошлое, к тем отдаленным временам, когда значительная часть Европы, Азии и Америки была покрыта ледниковыми толщами, а на свободных ото льда пространствах бродили мамонты, носороги, северные олени, дикие лошади и быки.

В результате раскопок палеолитических поселений Мальты и Бурети вблизи Иркутска была обнаружена новая, до того неведомая культура далекого прошлого,

раскрылся целый ископаемый мир, поразивший археологов своим неожиданным сходством с жизнью оседлых приморских племен еще более отдаленного северо-востока — эскимосов и чукчей.

Древние обитатели Мальты и Бурети, подобно эскимосам, строили постоянные или сезонные деревни вдоль берегов Ангары. Так же, как эскимосы и чукчи, они сооружали большие дома из костей гигантских животных — мамонтов и носорогов, которые водились здесь в те отдаленные времена. Подобно современным эскимосским, жилища их имели углубленные в землю основания, а сверху были покрыты куполообразной легкой крышей, опиравшейся на эластичный каркас из жердей и оленьих рогов. На Барановом мысу мы видели в древнем эскимосском жилище столбы, «заклиненные» для прочности в ямах каменными плитами. Точно так же укрепляли камнями столбы из бедренных костей мамонта и палеолитические жители Бурети.

Первоначальное освоение человеком севера Азии, совершавшееся в конце ледниковой эпохи, стало возможным лишь после того, как первобытные охотничьи племена Восточной Европы создали в борьбе с суровой природой эту арктическую культуру. Вооруженные ею, они смогли продвигаться все дальше и дальше: сначала к Уралу, а затем еще далее на Восток, пока, наконец, не достигли берегов Байкала. Но первобытные охотники не остановились и на этом.

Из оседлых и полuosедлых зверобоев они превратились в бродячих охотников. Они оставили свои прочные дома и селения, а вместе с ними и богатое искусство своих предков. Но зато именно в это время, в пору перехода от оседлой жизни к кочевой, палеолитические племена Сибири несравненно шире, чем прежде, осваивают Север.

Продолжая неудержимо двигаться вслед за стадами диких животных, они шли еще дальше, в новые области,

богатые дичью. Одной из таких областей, наиболее удобных для расселения охотничьих племен, была долина реки Лены.

Совсем недавно палеолитические поселения были известны ученым только в южных районах Сибири — у Томска, на Алтае, в долине Енисея у Красноярска, на Ангаре вблизи Иркутска и за Байкалом — в долине реки Селенги. Сейчас они открыты в долине Лены — у Качуга, Киренска и на территории Якутии. Самые северные в Сибири стоянки позднепалеолитического типа найдены теперь вблизи устья реки Алдана. Пожалуй, это наиболее северные памятники палеолита не только в Сибири, но и на всем континенте, самые северные, а вместе с тем и самые восточные признаки расселения палеолитического человека в Азии. Уже в отдаленнейшем прошлом, по крайней мере 20—25 тысяч лет назад, древние охотничьи племена начинают осваивать Север, спускаясь по долине реки Лены все дальше и глубже на Север, все ближе к Ледовитому океану.

Расселение древних людей по Лене и в соседних с ней областях было, конечно, медленным и длительным. Нужно было много времени, прежде чем первобытные люди достигли на западе Урала, а на востоке Енисея и Ангары.

Еще больше времени потребовалось, должно быть, чтобы они проникли в верхнюю и среднюю Лену. Заселенные бродячими охотниками районы, наверное, долго еще были здесь маленькими изолированными островками, терявшимися среди дикой и враждебной человеку природы Севера.

Тем не менее историческая заслуга первых обитателей Ленского края бесспорна. Именно они — пионеры Севера, в погоне за мамонтами и носорогами, за стадами северных оленей, лошадей и быков первыми открыли эту совершенно новую для человека страну, протоптали на ее девственной почве первые тропы и разожгли свои очаги, заложив осно-

ву дальнейшего развития культуры и завоевания человеком необозримых пространств Севера.

Откуда пришли эскимосы?

На рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков, в то время когда в исторической науке происходила драматическая борьба новых идей, связанных с зарождением капиталистического общества, и старых, коренившихся в идеологии феодального времени, один из видных историков, Август Шлёцер, автор знаменитой в свое время книги «Нестор», опубликовал книгу под названием «Всеобщая история Севера». В ней он писал, что народы Севера «никогда не играли никакой роли на арене народов», ибо не принадлежали к числу народов завоевателей, «не произвели ни одного завоевателя, а, наоборот, были добычей своих соседей». Что касается истории таких народов, то за отсутствием собственных летописей, утверждал Шлёцер, «вся их история целиком заключена в истории их победителей».

Одним словом, это было выражение хорошо известной теории, согласно которой человечество делится на народы «избранные» и «неизбранные», «исторические» и «неисторические», прогрессивные и такие, которые представляют собой «живые окаменелости», обломки прошлого, неизменные среди всего остального живого и непрерывно меняющегося мира.

Такой взгляд, в крайнем выражении доходящий до расизма, в корне ошибочен. Конечно, в силу исторически сложившихся условий некоторые группы народов, членов великой семьи человечества, резко отстали в своем развитии от остальных, более счастливых.

Но это не значит, что у них не было истории, ибо история для нас вовсе не исчерпывается, как когда-то писал старый Шлёцер, завоеваниями. И это совсем не означает, что они не создавали своих культурных ценностей.

Замечательным примером этому может служить история одного из самых малых народов, который несмотря на его малочисленность живет на территории двух континентов, американском и азиатском, и давно уже привлекает внимание ученых своей загадочной судьбой. История этого народа, или, как иногда говорят, племени, интересна уже тем, что в сознании ученых она давно сплетается с историей исчезнувших палеолитических племен Европы — загадочных мадленцев, создавших удивительную культуру ледникового периода. Тех мадленцев, которые оставили в глубине пещер потрясающие своей реалистической силой изображения мамонтов, носорогов и диких быков Альтамиры и Фон де Гома.

Этот народ — эскимосы. Еще Бойд-Даукинс, один из основателей современной науки о палеолитическом человеке, воскликнул: «Эскимосы — это мадленцы, покинувшие Францию в погоне за северным оленем!».

Следуя за своей пищей — табунами северных оленей, которые уходили вместе с отступавшими ледниками все дальше и дальше на север, мадленцы, думал этот исследователь, пришли в Арктику и дожили здесь до наших дней.

Одним из оснований для таких смелых выводов, послужило реалистическое искусство эскимосов, на первый взгляд удивительно напоминающее искусство палеолитических скульпторов Европы.

Сходство между мадленцами и эскимосами не ограничивается одним искусством. Это относится и к сходству образа жизни и домашнего уклада людей, разделенных веками и тысячами километров, — это относится к очень схожим поселкам из глубоко опущенных в землю

полуподземных жилищ, к гарпунам — как у первых изобретателей этого хитроумного оружия мадленцев. Даже обнаженные женские фигуры, вырезанные из кости, поразительно близки к найденным в развалинах палеолитических жилищ на Дунае и на Дону.

Однако оказалось, что первое впечатление тождественности древней палеолитической культуры с эскимосской — поверхностно и потому обманчиво. Действительная же история эскимосов и их культуры оказалась несравненно сложнее и интереснее.

Более трех веков назад, в 1648 году, горсточка русских, возглавляемая знаменитым мореплавателем, землепроходцем Семеном Дежневым, упорно пробиралась из устья Колымы к небольшой реке Анадырь. Сначала они плыли морем, усеянным глыбами льда, до тех пор, пока их не выбросило бурей на голое чукотское побережье к югу от устья Анадыря. Оттуда казаки шли десять недель пешком («голодно и холодно, ноги босы»), пока не достигли цели своего похода — устья Анадыря.

Вслед за ними сержант Степан Андреев и его спутники — служилые люди, отправленные на далекий северо-восток для изучения арктического побережья Азии, увидели на неведомых до того и безлюдных островах, затерянных в Ледовитом океане, поразившие их остатки древних жилищ эскимосского типа.

Пробиваясь сквозь льды арктических морей, утопая в жидкой грязи и болотах приморской тундры, карабкаясь по ледяным обрывам и голым скалистым возвышенностям в безлюдной пустыне, раскинувшейся на тысячи километров, русские путешественники — мужественные и любознательные люди с интересом изучали древние развалины, оставленные исчезнувшими племенами. С глубоким вниманием рассматривали они искусную резьбу по кости, своеобразную утварь, черепки грубой глиняной посуды и множество других предметов, рассеянных среди заброшенных

землянок и свидетельствовавших о былой жизни их обитателей.

Андреев впервые отметил тот факт, что древние постройки на островах были срублены не металлическими, а именно каменными топорами. По словам Андреева, топоры эти даже не резали и не рубили, а скорее как бы «грызли» дерево. Он так и записал: «было как бы зубами грызено».

28 июня 1787 года русское судно, находившееся под командованием мореплавателя Гавриила Сарычева, бросило якорь в маленькой бухте с отлогим песчаным берегом на западном берегу Баранова мыса, примерно в 70 километрах к востоку от устья Колымы.

Вдоль небольшого ручейка с чистой водой в зеленой долине, представляющей, по его словам, «лучшее место по всему Ледовитому морю», Сарычев увидел «обвалившиеся земляные юрты». Раскопав эти древние жилища приморских зверобоев, которые по местному назывались шеллагами, русские моряки нашли в них «черепья от разбитых глиняных горшков» и два больших каменных ножа полунной формы.

Раскопки Сарычева и сегодня представляют собой одну из самых замечательных страниц в истории мировой археологической науки. Они явились первыми раскопками первых памятников Арктики, предпринятыми с научной целью, и положили начало полярной археологии как науке.

Теперь мы знаем, что уже две тысячи лет назад вдоль берегов и на островах Берингова пролива были поселки охотников на морского зверя, тех, кто заложил фундамент позднейшей эскимосской культуры, вблизи современного поселка Уэлен.

Море полностью обеспечивало жителей арктического побережья мясной птицей, тюленями и моржами. Мясо и сало морских животных употреблялось в пищу, из шкуры шилась одежда и готовилась домашняя утварь, охот-

ничиь снасти. При недостатке хорошего дерева кость, особенно челюсти, позвонки и ребра кита, использовалась в качестве строительного материала: из нее сооружали каркасы землянок. Сало моржей и тюленей, горевшее в выдолбленных из камня или вылепленных из глины лампах, согревало и освещало хижину.

Морской промысел, связанный с определенными, наиболее удобными для него пунктами, привел к еще более прочной и постоянной оседлости. В местах, богатых морским зверем и водяной дичью, на выдавшихся в море мысах, по островам и бухтам, обильным наносным деревом плавником, густо разместились многочисленные поселки берингоморцев, от которых уцелели вырытые в земле основания жилищ и обвалившиеся ямы для запасов мяса.

Внутри полуподземных жилищ их хозяева проводили долгую полярную ночь. Женщины при скудном свете ламп-жиринов готовили пищу и шили одежду. Мужчины в свободное от охоты время выделывали различные вещи, чинили охотничье вооружение и утварь. С утомительно длинной полярной ночью связано поразительное обилие художественных изделий, в которых нашла свое выражение живая фантазия и жажда деятельности сильных, ловких и находчивых охотников Арктики. В этих изделиях отразилось свойственное этим людям упорство, потому как вырезать скульптуру животного или сложный орнамент на твердом куске моржового клыка, а то и бивня мамонта простым каменным острием было нелегко. Весь свой многовековой технический опыт обработки кости вложили древние берингоморцы в художественную резьбу. В результате раскопок в мерзлой почве Арктики, в Сибири и на Аляске было установлено, что древняя культура эскимосов вовсе не осклоко мадленской культуры Западной Европы, а нечто сложное, имеющее свою собственную длительную историю формирования, которая распадается на ряд местных локальных культур.

Эти жители далекого Севера взрастили необычное по стилю богатое искусство, поднялись до наиболее высокого технического уровня, которого могло достичь человечество, пользуясь средствами каменного века. И их культура, веками существовавшая на побережье ледовитых морей, дошла до нашего времени в таком виде, что подлинно глубокие исследователи северных народов считали ее настоящим «арктическим чудом».

Выдающийся русский исследователь культуры сибирских племен В. Г. Богораз писал: «Культура полярных племен вообще представляется своеобразной, я сказал бы, почти чудесной. Мелкие группы охотников, живущих на самой окраине вечного льда и вылавливающих ежедневную пищу гарпуном из холодного и бурного моря, сумели из китовых ребер и глыб снега создать себе теплое жилище, сделали кожаную лодку, лук из костяных пластинок, затейливый гарпун, сеть из расщепленных полосок китового уса, собачью упряжку, сани, подбитые костью, и разное другое. Многие из этих полярных изобретений проникли далеко на юг к племенам, обитающим в более счастливых широтах, и даже позаимствованы европейцами. ...Художественная одаренность арктических народов, их вышивки, рисунки...— значительно выше общего уровня племен, обитающих на юге, и может выдержать сравнение с лучшими образцами» (этнографического искусства.— А. О.).

Одним словом, эти народы создали собственную оригинальную культуру, включающую немало самостоятельных открытий и изобретений, в том числе связанных с освоением северных пространств, их природных богатств, с развитием производительных сил в своеобразных и суровых условиях сибирской тайги и тундры. А многое из производственного опыта коренных народов Севера и в наши дни представляет определенную ценность для строительства их сегодняшней жизни, развития экономики и культуры края, для дальнейшего освоения Севера. Эски-

мосы, впрочем, лишь одно из многочисленных племен. изучение древней культуры которых показало в новом свете историю Севера. Раскопки древних поселений и могильников в сибирской тундре и тайге показывают, что все эти племена, создавая свои культуры, двигались вперед, от одной ступени культуры к другой, более высокой. Теперь ясно, что и на Севере имела место последовательная и непрерывная смена прогрессивных культурно-исторических этапов — палеолита, неолита, бронзового и железного веков. В основном так же, как это было в передовых областях земного шара, здесь происходил переход от грубых каменных орудий к металлическим.

Примерно в то же время своеобразные местные культуры возникают на Амуре, на землях Приморья, к западу от Енисея и, наконец, на европейском Севере. Эти народы отличали друг от друга особенности бытового уклада, типы орудий труда, специфические черты искусства и, несомненно, языка. Отдельные группы неолитических племен, которым принадлежали эти культуры, замечательны тем, что у них можно найти немало связей с некоторыми из современных народностей или племенных групп Сибири. Например, неолитические племена Прибайкалья по многим признакам могут быть связаны с современными эвенками и эвенгами, жители нижней и средней Лены — вероятнее всего с юкагирами, древние амурские племена — с современными гиляками и ульчами, древнее население Западной Сибири — с ее угорскими племенами. Так, уже в неолитических памятниках обнаруживаются самые глубокие корни культуры конкретных «забытых» прежде народов нашего Севера, выделяются отдаленнейшие истоки исторического прошлого этих племен и народов, раньше считавшихся «неисторическими», неспособными к самостоятельному культурному творчеству.

Именно благодаря этим традиционным представлениям об извечной застойности культуры жителей Севера ар-

хеологи обычно объясняли отдельные, встречавшиеся им на Севере находки бронзовых орудий древних форм случайным импортом — тем, что якобы привозили им извне, из более культурных и развитых районов.

Но стоило археологам отказаться от этой традиционной идеи и начать систематическое изучение древностей Якутии, как в пределах самого Якутска был обнаружен очаг древнего литейщика, на котором он плавил бронзу и отливал из нее такие же топоры — кельты, какие в конце II и в начале I тысячелетия до н. э. изготавливались степными мастерами Южной Сибири, Средней Азии и Восточной Европы.

Оказалось, что в якутской тайге уже две с половиной тысячи лет назад жили местные металлурги и литейщики, прекрасно владевшие своим ремеслом — умевшие добывать медь из руды, плавить ее в специальных миниатюрных тиглях и отливать не только кельты, но и великолепные наконечники копий, кинжалы оригинальных форм и даже мечи. Замечательно, что их мечи не уступали по размерам и совершенству урартским мечам Закавказья, а наконечники не имеют равных себе по размерам и изяществу формы не только в Сибири, но и в Восточной Европе.

Дальнейшие планомерные работы в заполярной Якутии принесли новые, еще более важные результаты. На древней стоянке, располагавшейся в низовьях Лены вблизи Сиктяха, вместе с каменными орудиями и обломками сосудов очень примитивного вида в вечной мерзлоте сохранился очаг древнего плавильщика. В очаге, словно хозяин покинул его лишь на время, оказались застывшие брызги металла, а около лежали обломки миниатюрных глиняных сосудиков в виде ложек, в которых, по-видимому, производилась предварительная, пробная, плавка металла, предшествовавшая заполнению литейных форм и отливке металлических изделий. Ученым открылась любопытная истина: эпоха металла и на территории Якутии начинается

уже в очень отдаленное время, по крайней мере в конце II тысячелетия до н. э., то есть более трех тысяч лет назад. И хотя в эпоху первоначального распространения металла здесь не произошло особо глубоких переломов в жизни местных племен (какие совершились, скажем, в степях Европы и Азии, где эпоха бронзы становится временем возникновения скотоводства и скотоводы впервые выделяют-ся из остальной массы охотничье-рыболовческих племен), зато здесь заслуживают особого внимания сдвиги в области культуры, социального строя, в искусстве и мировоззрении северных племен. Немалая роль принадлежит в этом взаимодействию северных племен с более развитыми племенами древних степных скотоводов.

Чем ближе жили к степям северные племена, чем ближе соприкасались со степняками, тем сильнее и глубже были эти сдвиги. Наибольшей силы они достигают в то время, когда на Алтае, в степях Западной Сибири и Восточной Европы вырастают первые племенные союзы скифов.

В долину Оби и соседние с ней районы Западной Сибири проникают кочевые скотоводы-конники. У лесных племен и жителей лесотундры появляются не только привозные скифские котлы, о которых в свое время с удивлением сообщал Геродот, но и местные копии таких сосудов, изготовленные, впрочем, не из меди или бронзы, а из глины.

В жертвенном месте у Салехарда найдены гребни тонкой художественной резьбы по кости, свидетельствующие, что замечательный «звериный стиль» нашел в Арктике как бы свою вторую родину. В Салехарде найдены не только гребни, напоминающие драгоценный гребень из Солохи, но и резные изображения из кости, повторяющие излюбленный сюжет степного искусства — хищная птица терзает оленя. В них причудливо слились многовековые традиции арктических резчиков по кости и высокое мастерство скифских ювелиров, возникшее из живого взаимодей-

ствия античной культуры и цивилизации классического востока.

Прямое влияние предскифской, скифской и гунно-сарматской степной культуры, разумеется, было глубже всего в северо-западной Сибири. Но и далеко к востоку от нее, в долинах Енисея, Ангары и Лены, на каждом шагу и ныне ощущается дыхание этой оригинальной и могучей культуры. Едва ли не самым ярким примером подобного влияния могут служить шишкинские (по названию села) писаницы в верховьях Лены, где изображено мифическое чудовище, напоминающее клыкастого зверя, столь часто встречающегося в скифском искусстве, и еще более замечательный фриз из семи лодок. В этих лодках изображены стилизованные человеческие фигурки с молитвенно воздетыми к небу руками, люди в рогатых головных уборах и лань, повернувшая голову назад, точно так же, как и звери на изделиях скифских мастеров. Стилистически — об этом свидетельствует, например, фигура лани — эти изделия сближаются с предскифским и скифским искусством Восточной Европы, Сибири и Центральной Азии. Еще интереснее, что по своему содержанию эти рисунки обнаруживают удивительное сходство с более древними памятниками искусства бронзовой эпохи не только в Скандинавии и Карелии, но и в далекой Италии.

Так далеко шли культурные связи бронзового и раннего железного веков, в то время, когда уже сам по себе широкий обмен сырым металлом — оловом и медью, а также готовыми металлическими изделиями, должен был бы содействовать росту культурных взаимодействий и хозяйственных отношений не только между соседними племенами, но и между весьма отдаленными странами.

Обмен и культурные связи нарушали былую изолированность родовых обществ, содействуя проникновению, наряду с металлом, новых идей, новых сюжетов и стилевых особенностей в искусстве.

Важное место в истории Сибири занимает история народов самых отдаленных восточных областей нашей страны, Советского Дальнего Востока. Мало кому известно, но это бесспорный факт, что памятники древней истории дальневосточных племен привлекли внимание русских людей еще три века тому назад! Первыми археологами Дальнего Востока стали русские казаки-землепроходцы, первооткрыватели северных областей Азии.

В 1701 году выдающийся русский географ Семен Устинович Ремезов — тот, что записал легенды о Ермаке — закончил «Чертежную книгу Сибири», первый монументальный труд по географии края, обессмертивший имя своего создателя. И сегодня ученые с интересом рассматривают ветхие листы этого удивительного атласа. На одном из них изображены низовья Амура, рядом с которыми имеется неожиданная и загадочная на первый взгляд надпись: «До сего места царь Александр Македонский доходил и ружье спрятал и колокол оставил». Около надписи условным значком нарисован город с башнями, а при нем предмет, изображающий, очевидно, тот самый колокол, о котором рассказывает надпись.

Историки, читавшие эту надпись, не раз задумывались, пытаясь понять, каким образом попало на чертеж сибирских земель имя Александра Македонского и почему в устье Амура оказался этот неведомый никому город с башнями и мифическим колоколом. Правда, имя Александра Македонского было, видимо, хорошо известно Ремезову, читавшему фантастическую средневековую повесть о его походах на край света. В повести этой, между прочим, рассказывалось о том, как Александр построил на краю земли высокую каменную стену, которой оградил два мифиче-

ских народа «Гога и Магога», грозивших гибелью всему человечеству. Наверное, нет ничего удивительного в том, что именно здесь, на крайнем востоке, вблизи берегов Тихого океана, по понятиям людей XVII века, и должно было находиться то место, у которого великий полководец построил свою легендарную стену.

Однако самое интересное заключается в том, что «город», отмеченный на ремезовской карте, все-таки существовал. В 70-х годах XVII века знаменитый русский дипломат и ученый того времени Николай Спафарий писал, что за двенадцать лет до его приезда на Восток, то есть в 1655 году казаки нашли около устья Амура место, где было «во утесе аки бы копано», а около того места — колокол и в трех местах «Каменные скрижали». Впоследствии было установлено, что казаки открыли древние памятники с надписями и остатки храма XV века на Тырском утесе против устья реки Амгуни. Все эти сведения, «смешившись» по времени и смыслу, как-то и нашли свое отражение в «Чертежной книге» С. У. Ремезова. С тех пор русские ученые основательно поработали над изучением археологических памятников Дальнего Востока, немых, но по своему красноречивых свидетелей его забытой истории. Правда, история археологических изысканий на востоке нашей страны сложилась так, что главное внимание исследователей было сначала уделено простирающейся до Енисея степной Сибири, Минусинскому краю и Алтаю. Это объясняется тем, что южные области наиболее удобны для проведения археологических работ, а вместе с тем и богаче эффектными остатками древности.

Намного слабее были исследованы до 30-х годов XIX века Восточная Сибирь и Прибайкалье. Археологи почти не знали севера Сибири: Якутию, Приенисейский север, Колыму, Чукотку. Планомерное археологическое освоение этих огромных областей, по существу, началось лишь в 40—50-х годах нашего столетия.

Еще меньше был известен в археологическом отношении Дальний Восток, Амур, Приамурье. Эти огромные пространства, расположенные к востоку от Байкала, представляли собой колоссальное белое пятно на археологической карте Советского Союза и на мировой карте археологических культур. Здесь был сокрыт целый невидимый для историков и археологов мир, загадочная страна, которая ожидала своих землепроходцев-открывателей, своих колумбов. Естественно, что мимо замечательных археологических памятников Амура и Приморья не могли пройти уже первые исследователи этих областей.

С освоением Приморья связаны первые опыты археологических исследований в бассейнах Уссури и Суйфуна, предпринятые Н. М. Пржевальским, И. А. Лопатиным, Ф. Ф. Буссе, В. Л. Кропоткиным и А. З. Федоровым. В низовьях Амура первые разведки производили Л. Я. Штернберг, В. К. Арсеньев. На Сахалине выдающийся зоолог и первооткрыватель палеолита в Костенках И. С. Поляков. На Среднем Амуре подобные работы проводили С. М. Широкогоров и А. Я. Гуров. Но по-настоящему археологические исследования, призванные решить большие проблемы истории Дальнего Востока, развернулись лишь после Октябрьской революции.

Первой советской археологической экспедицией на Нижнем Амуре была экспедиция 1935 года, направленная туда Институтом этнографии АН СССР по инициативе выдающегося исследователя культуры северных племен В. Г. Богораза.

В 1953—1963 годах на Амуре и в Приморье работала Дальневосточная археологическая экспедиция института археологии Академии наук и Сибирского отделения АН СССР. С работой этой экспедиции связана организация первого научного центра по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока — специального отдела Дальневосточного филиала АН СССР. Затем был образован от-

дел истории и этнографии Северовосточного комплексного института СО АН СССР в Магадане. Оживилась деятельность краеведческих музеев в Анадыре, Магадане, Благовещенске, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре. Повысился интерес и у дальневосточной общественности к изучению истории своего края.

В археологические работы на Дальнем Востоке и в Монгольской Народной Республике включилось Сибирское отделение АН СССР.

Все это, естественно, дало большой толчок развитию дальневосточной археологии. По берегам Амура у Благовещенска и с. Кукелево, у Хабаровска, Комсомольска (село Кондон), Мариинска и в других местах произведены широкие раскопки поселений и могильников. Такие же работы осуществлены по берегам рек Уссури и Зеи.

Добытые в этих местах новые материалы впервые позволили получить ясное представление о древних культурах и основных этапах древней истории Приамурья. Аналогичные работы были произведены в Приморье. Здесь исследованы такие важные памятники ранней истории Приморья, как древнее поселение на полуострове Песчаном вблизи Владивостока, поселения в падах Семипятной и Харинской у озера Ханка, на реке Чапигоу, в бухте Тетюхе, у деревни Осиновки, в устье реки Гладкой, поселения раннего железного века на «Синих скалах» в Ольгинском районе. Новые данные были получены и об археологических памятниках в таких отдаленных районах, как остров Сахалин, Магаданская область, Чукотское побережье, Камчатка.

Накопленный советскими исследователями огромный материал потребовал обобщения фактических данных, разработки важнейших исторических проблем прошлого народов Дальнего Востока в свете марксистско-ленинской теории развития общества. Первая такая проблема — периодизация археологических культур и выяснение последова-

тельности культурно-исторических этапов на Дальнем Востоке.

Задача археолога и историка как раз и состоит в том, чтобы «разложить по полочкам» все исторические перемены и события. Значение этой работы определяется тем, что старые взгляды на последовательность культурных этапов уже не соответствует вновь накопленным фактам: история народов Дальнего Востока оказалась несравненно длительнее и сложнее, чем это представлялось раньше. Теперь уже выполнена большая работа: выявлены в разных районах (озеро Ханка, окрестности города Уссурийска — бассейна Суйфуна, средний Амур, район Хабаровска, нижний Амур, Лазовский район, район озера Хасан — село Краскино) серии разновременных археологических памятников и локальных культур, сменяющих друг друга. Одновременно стало возможным проследить и последовательную смену больших исторических этапов в той или иной степени общих для всего Дальнего Востока. Исключительно важное значение имеет в этом отношении то обстоятельство, что для определения возраста археологических памятников и древних культур, помимо обычных типологических сравнений, используются современные физические методы. Это позволяет уверенно строить общую хронологическую шкалу исторического процесса.

За последние пять лет впервые получена серия абсолютных дат для ряда археологических памятников ключевого значения. В нашем распоряжении сейчас имеются около десяти, датированных радиоуглеродным методом, памятников.

Одним из крупнейших достижений дальневосточной археологии стало открытие в районе города Уссурийска, в долине реки Осиновки, у села того же названия и в некоторых других местах Приморья древнейшей пока для Дальнего Востока осиновской культуры. Она характеризуется орудиями из оббитых галек, напоминающих ручные

рубилa Европы, а также нуклеусы — ядрища. Поселения этой группы концентрируются главным образом в собственно Приморье, в Славянском и Михайловском районах, а также у озера Ханка. Молодой археолог Э. В. Шавкунов нашел изделия, похожие на осиновские, и на верхнем Амуре, в селе Кумарском. Стоит сказать несколько слов о том, как была впервые открыта знаменитая ныне осиновская культура.

На дороге, во время переезда с одного пункта раскопок на другой, я увидел маленький обломок камня с характерным раковистым изломом. Так расколоть камень могла только рука человека, и при этом мастера, в совершенстве владевшего своим ремеслом (или, скорее, искусством!). Неподалеку оказались еще три таких же отщепов, очевидно, доставленных вместе с породой из какого-то карьера. Оставалось найти сам карьер, что, вообще говоря, было уже делом нетрудным. Он оказался у деревни Осиновки, которая стала благодаря этому известной на весь мир.

Первое, что мы увидели в отвесной стенке карьера, был предмет, который так упорно и настойчиво и вместе с тем, казалось, безнадежно искали — крупное орудие из зеленого яшмовидного сланца, вытесанное из целого булыжника. Поблизости оказались и другие, совершенно такие же, орудия. Все они имели массивное и широкое выпуклое лезвие на одном конце, которым можно было наносить удары большой силы, подобно лезвию топора или секиры. Противоположный конец этих орудий оставался нетронутым и мог служить рукоятью, удобной для держания его в руке.

Следующий культурно-исторический этап — мезолит представлен прежде всего огромной стоянкой — мастерской у выходов вулканических туфов на реке Тадуши вблизи села Устиновки. Этот уникальный памятник был открыт и впервые описан геологом Г. Ф. Петрунь. Произведенные здесь в 1963 году раскопки подтвердили, что памятник да-

тируется мезолитом, и показали также, что здесь представлен очень характерный набор изделий: преимущественно скребки, нуклеусы (специфические каменные орудия), снятые с нуклеусов широкие пластины, а также заготовки нуклеусов гобийского типа. Эти вещи подтверждают гипотезу о связях древних культур Монголии через Приморье с Аляской. Интересно и то, что мезолит Приморья близок к докерамическим культурам Японии. Тем самым устанавливается важный факт: заселение островов Японского моря, как и следовало ожидать, шло с материка. В то же время подтверждается мысль и о том, что человек проник на Американский континент с материка Азии северным путем по островной цепи или через Берингов пролив.

История дальневосточных племен с самого начала развивалась независимо, своими особыми путями. Это относится, прежде всего, к развитию производительных сил. Еще в неолитическое время племена Дальнего Востока не только создали оригинальную технику и материальную культуру, но и свое собственное хозяйство. Уже тогда это был мир оседлых людей, живших кучно в прочных постоянных жилищах типа полужемлянок, в отличие от бродячих прибайкальских соседей и племен Монголии. Экономической основой оседлости на Севере, в низовьях Амура, было рыболовство.

В определенное время года реки Дальнего Востока переполняют косяки кеты и горбуши. Достаточно было интенсивно поработать во время этой рыбацкой «страды», чтобы обеспечить весь род или племя пищей на всю зиму. Так возникли на берегах Амура первые поселения, целые деревни каменного века. В тесной связи с развитием рыболовства и оседлостью у амурских племен находилось разведение собак. Собака была у речных рыболовов единственным домашним животным. Она использовалась, по-видимому, и как тягловая сила и как источник пищи: со-

бачье мясо на Амуре даже в XIX веке было самой любимой пищей. Собака приносилась в жертву во время самых различных обрядов, так же как олень у оленеводов, лошадь и овца у степняков.

Иначе сложилась жизнь племен, обитавших южнее — в Приморье и на Уссури. Как и на Амуре, неолитические племена жили здесь оседло. Их оседлость определялась, однако, не только развитием рыболовства, но и другими причинами.

Древние жители этих мест занимались не только рыболовством или охотой, но и земледелием. Выше Хабаровска и в Приморье на неолитических поселениях обычны своеобразные каменные изделия — в виде сегментов из песчаника. Это были куранты-терочники, которыми растирали зерно на каменных плитах.

Вместе с ними встречаются и характерные мотыжки с плечиками-уступами у рукояти — ими обрабатывали землю. Тяжелый труд земледельца каменного века щедро вознаграждался плодородием почв и теплым влажным климатом этих мест. Не менее благоприятные условия для возникновения земледельческой культуры еще в каменном веке существовали и там, где позднее наблюдалось собственное земледелие дауров и дучеров на Среднем Амуре и в бассейне реки Зеи.

Плодородная низменность, раскинувшаяся вдоль мощных водных артерий, богатая природа, щедро оделяющая земледельца, скотовода, охотника и рыболова своими дарами, — все это издавна способствовало здесь раннему подъему хозяйства и культуры. Археология Среднего Амура подтверждает, что так оно и было в действительности. Попытки отрицать возможность столь раннего развития земледельческой культуры на Дальнем Востоке оказались несостоятельными, особенно после того, как в культурных слоях двух последних поселений — у поселка Кировского возле нынешнего города Артема и у села Екате-

рининского на реке Сучан — были обнаружены не только куранты, но и обугленные зерна проса.

В поселении, раскопанном в пади Харинской у озера Ханка, вместе с зернотерками были найдены даже каменные лемехи плугов. Плужное земледелие с применением тягловой силы рабочего скота, представляющее собой более высокий этап по сравнению с примитивной палочно-мотыжной обработкой земли, зародилось, очевидно, не в долине реки Желтой, не у носителей культуры яншао, а у «варваров севера». И это вполне понятно, так как именно здесь издавна сочеталось разведение культурных растений с разведением домашнего скота. Здесь-то и должна была появиться и сама идея переложить тяжелый труд обработки земли на домашних животных.

Другой особенностью экономики дальневосточных племен издавна было разведение домашних свиней. Свиноводство — и это подтвердили раскопки — характерная черта экономики племен «культуры раковинных куч». Лишь со временем, вероятно под влиянием связей со степными народами Центральной Азии, мохэсцы начинают разводить лошадей. И может быть, самое замечательное в этой древней, в полной мере уже ископаемой культуре то, что она не исчезла бесследно. С ее реликвиями исследователь выходит из мира мертвых археологических памятников в мир живых культур и племен нашего времени.

Первые же систематические раскопки неолитических поселений на Амуре в 1935 году привели к неожиданному и даже ошеломляющему на первый взгляд наблюдению. Трудно было поверить, но из глубины неолитических жилищ были извлечены абсолютно те же узоры, какие можно было видеть рядом на поверхности земли в утвари, в архитектурных украшениях и на одежде нанайцев, ульчей и нивхов-гиляков.

Созданная древними народами Дальнего Востока оригинальная культура, таким образом, не исчезла бесследно.

В различных своих элементах она сохранилась до сих пор и так или иначе вошла в состав культурного богатства социалистической современности. В первую очередь — это орнамент, эпос, фольклор, из которого берет свое начало и современная литература.

Первые государства Сибири

В 1868 году юный в то время исследователь Азии Н. М. Пржевальский побывал в деревне, находившейся на месте нынешнего города Уссурийска. У самой деревни он увидел поразившие его стены мощных когда-то древних укреплений, возвышения вроде курганов, каменные изваяния животных, плиты с отверстиями и высеченное из гранита гигантское изображение черепахи.

«В глубоком раздумье, — пишет он, — бродил я по валам укреплений, поросших кустарником и густой травой, на которой спокойно паслись крестьянские коровы.

Невольно тогда пришла мне на память известная арабская сказка, как некий человек посещал через каждые пятьсот лет одно и то же место, где встречал попеременно то город, то море, то леса и горы и всякий раз на свой вопрос получал один и тот же ответ, что так было от начала веков». Как оказалось впоследствии, это были остатки поселений, принадлежавших древним бохайцам и чжурчженям, создателям двух могущественных государств, оставивших глубокий след в истории Восточной и Центральной Азии.

История средневековых государств Дальнего Востока давно уже занимает исследователей. И один из наиболее сложных вопросов, связанных с ней, — о происхождении и исторических корнях этих государственных образований,

возникших и развивавшихся в одно время с Киевской Русью.

Некоторые из крупных исследователей прошлого, например Палладий Кафаров, связывали возникновение Бохайского королевства и империи чжурчженей Цзинь с влиянием соседних стран, где рано возникло классовое общество и государственность.

Однако, с марксистской точки зрения, классовое общество и государство возникают не под влиянием соседей или в процессе завоевания, а в результате закономерностей прогрессивного развития производительных сил и общественных отношений внутри данной страны.

И эта материалистическая точка зрения блестяще подтверждается археологическими исследованиями на территории, где существовал Бохай и возникло государство чжурчженей.

С самого начала местные государства испытывали, конечно, разнообразные и порой мощные влияния извне. Но само государство выросло здесь не под влиянием какого-то импульса или внешнего толчка, а развивалось в силу внутренних потребностей общества. Как мы видели, коренные народы Амура и Приморья накопили большой исторический опыт, достигли значительных успехов в развитии своей материальной культуры еще в каменном веке, задолго до возникновения Бохая и государства Цзинь. И этот опыт явился основой их дальнейшего развития от первобытной общины к государству. Развитое специализированное рыболовство амурского типа в низовьях Амура и первобытное земледелие — таковы прогрессивные перемены в развитии производительных сил населения нашего Дальнего Востока, которые не могли не сказаться на его дальнейшем развитии и явились стимулами к еще более важным новым переменам в его жизни, в общественных отношениях. Нельзя отрицать, конечно, и прогрессивного влияния взаимодействия дальневосточных племен с их со-

седьями, как близкими, так и более далекими. Племена эти не «варились в собственном соку». Они многое получали извне и, в свою очередь, давали другим. И этот обмен культурными достижениями стимулировал более быстрый рост культуры тех и других. Так, уже на самом раннем этапе каменного века Приморья, известном нам сейчас (памятники типа Осиновки около Уссурийска), в каменном инвентаре обнаруживаются черты культуры, сопоставляя которые, можно совершить неблизкий путь до Бирмы и Северной Индии. Во всяком случае, широкое распространение оригинальной техники отесывания целых галек—«галечной техники» невозможно было столь же древних, как и широких по масштабам конкретных этнических связей. Последним и совершенно неожиданным отголоском этих связей являются галечные орудия, найденные в неолитических поселениях на Среднем Амуре, на стоянках в устье речки Громатухи и у деревни Сергеевки, а также в бассейне Онона. Эти инструменты из целых галек, отесанных вдоль краев с одной только стороны, являются точными копиями таких же странных орудий из мезолита Вьетнама, типичных для хоабинской культуры этой страны. Как уже говорилось выше, мезолит Приморья сближается с древними культурами Японии и Аляски, а также Монголии.

Не менее наглядно видны признаки таких связей в более поздние времена. Таково, например, сходство обряда погребения костей в двойных урнах, соединенных горловинами. Его соблюдали в Индокитае, Корее, Японии и на Амуре у Хабаровска. Об этом же говорит и сходство бронзовых мечей с реки Майхэ с древнекорейскими и японскими эпохи яей, удивительная близость узкогорлых сосудов с блюдовидными венчиками на Дальнем Востоке к сосудам, характерными для той же культуры яей в Японии.

Вместе с тем, хотя кое-где имело место взаимопроник-

новение не только отдельных культурных элементов, но даже и целых культур, факты свидетельствуют не о каком-то исключительном или преобладающем влиянии одного мощного культурного центра. Налицо нечто совершенно иное: синтез разнородных по происхождению черт, качественно новый сплав местных и пришлых признаков. Не менее важно и то, что в процессе культурного обмена и контактов особенно рельефно выступают самобытные, неповторимые черты культурного коренного населения Дальнего Востока. Самобытность культуры дальневосточных племен, ее независимость и самостоятельность, «культурная суверенность» этих племен в ходе тысячелетий обнаруживаются во всем — в образе жизни и в ведении хозяйства, в типах орудий труда и в орнаментике.

Среди орудий труда выделяются, например, неолитические рыболовные снасти Амура. В то время как в Сибири и в Америке ловили рыбу при помощи рыбок-приманок, здесь уже в каменном веке изобрели блесну. Ярким примером суверенности в искусстве может служить орнамент «амурская плетенка», который сам по себе уже стал признаком оригинальной культуры.

Столь же своеобразны удивительные наскальные изображения в долинах Амура и Уссури. Вместе с замечательной неолитической орнаментикой на сосудах петроглифы Дальнего Востока свидетельствуют, что на берегах Амура находился мощный источник своеобразной художественной жизни и культуры, существовал свой художественный мир.

Новый, крупный этап в истории культуры дальневосточных племен начинается с появлением у них первых металлических орудий труда.

Прогрессивное развитие хозяйства, в особенности земледелия, всюду в истории связано с внедрением металла, и в первую очередь железа. Железо революционизировало жизнь древнего человека, стимулировало прогресс не толь-

ко в области экономики, но и в области общественных отношений. Оно, по выражению Ф. Энгельса, сыграло свою революционную роль в истории. Такую же роль сыграло внедрение металла и на Дальнем Востоке. Распространение бронзы и железа в этом районе было, однако, своеобразным, особенно если сравнить с тем, как шел этот процесс по соседству, в Сибири.

Его первая отличительная черта заключается в том, что новый металл (железо), судя по результатам радиоуглеродного анализа угля, взятого из поселения в пади Семи-пятной, появился в Приморье много ранее, чем можно было предполагать — не в I—II веках до н. э., а в X—XI веках до н. э., а может быть, еще раньше.

Можно думать, что железо пришло на наш Дальний Восток из Малой Азии от хеттов, через Индию или Тибет, может быть, через Монгольские степи.

Вторая особенность этого процесса состоит в том, что хотя железо здесь и опередило бронзу, но при этом не вытеснило ее. Оно, по-видимому, получило распространение столь быстро и внезапно, что рядом с железными и бронзовыми орудиями еще долго употребляли шлифованные каменные топоры и тесла. Если бы на полуострове Песчаном вместе с многочисленными топорами и наконечниками стрел не были обнаружены железные кельты, это поселение пришлось бы отнести к неолиту, а не к железному веку. Что касается соотношения бронзы и железа, то, как это было и в соседней Маньчжурии, в середине железного века (V—IV века до н. э.) оружие здесь выделялось из бронзы, а земледельческие орудия (кельтовидные тесла) из железа. Об этом свидетельствует погребение с бронзовым оружием и каменными топорами, найденное на Голубиной сопке в долине реки Майхэ, и находка в поселении у хутора Патюкова, вблизи города Артема, обломков бронзового клинка, такого же сосуда и единственного в своем роде слитка олова.

Эти находки заставляют применять к Приморью обычные в археологии для того времени (конец II и начало I тысячелетия до н. э.) термины «бронзовый» и «железный век» только условно, не так, как в соседних степях и в таежной зоне Сибири.

На Амуре, тем не менее, как показали находки в Кондоне и на реке Эвуре, а также у Благовещенска, культура бронзового века все же существовала. Население этого таежного района проходило тот же путь развития, что и в соседних таежных областях Сибири: от камня к бронзе, от нее — к железу.

В другом поселке на крутом левом берегу Амура вблизи Амурского санатория в городе Хабаровске при раскопках найдена небольшая, но крайне интересная коллекция глиняных изделий-моделей, передающих формы реальных бытовых предметов. Может быть, это были шаманские принадлежности — амулеты или культовые изображения. Может быть (и это всего вероятнее), перед нами игрушка древнего мальчика. Но, независимо от их конкретного назначения, эти вещи дают возможность судить о том, что вообще трудно представить по обычному материалу, которым располагает археолог, об этнической принадлежности обитателей мертвых поселков раннего железного века в долине Амура. Перед нами в одной из землянок лежали модели трех бытовых предметов, изготовленных из глины, — защитного щитка для стрельбы из лука, лодки и детской колыбели. И все эти три предмета несли на себе четкий отпечаток определенной этнической культуры, в недрах которой они возникли и «индикаторами» которой являются. Эти вещи, как показатели этнической принадлежности, по-своему не менее выразительны, чем, например, орнаментальные мотивы и композиции. Они характерны для культуры определенного типа — лесных охотников Сибири. А среди них они более всего типичны для коренных племен Восточной Сибири —

тунгусских племен, распространенных от Амура до Енисея. Защитными щитками, как найденный на поселении у Амурского санатория, только лишь костяными или металлическими, до недавнего времени пользовались стрелки лесных племен Сибири и Дальнего Востока.

Еще важнее с этногенетической точки зрения модели лодки и колыбели. Лодка, вылепленная гончаром из поселка у нынешнего Амурского санатория, точно передает очертания и форму тунгусской лодки-берестянки, сшитой из полос вываренной бересты и промазанной по швам берестяным варом. Изобретение берестяной лодки позволило пешим охотникам освоить глубинные пространства, мелкие речки и озера, богатые рыбой и мясным копытным зверем. С тех пор вместе с берестяным чумом и берестяной посудой она стала символом подвижной жизни таежных охотников и рыболовов. Такая лодка, а вместе с ней чум — «джу» сопровождает их от рождения до могилы. Недаром на старинных могилах тех же нанайцев можно видеть те же берестяные полотнища чумов, а то и целые лодки.

Колыбель, послужившая прототипом для глиняной модели из поселения в Хабаровске, тоже является исконно тунгусской. Она была той исходной основой, на которой со временем возникают все остальные варианты этих колыбелей, приспособленных уже не к бродячей лесной жизни с переездом верхом на олене, а обусловленных возникновением нового оседлого уклада жизни. Отсюда следует ряд важных общен исторических выводов. В первую очередь эти выводы касаются происхождения тунгусских племен и взаимоотношений между ними: родина всех тунгусов была не на юге, а на севере.

Возникновение оригинальной и высокой культуры раннего железа на нашем Дальнем Востоке явилось не только событием огромного значения в этнической истории его населения, но и существенным рубежом в его хозяйствен-

ной и общественной жизни. Окончательное вытеснение каменных орудий из основной сферы хозяйственной жизни, земледельческого производства послужило толчком для прогрессивных сдвигов, которые в конечном счете на основе всего предшествующего развития привели к возникновению принципиально нового классового общества, а вместе с ним и государства. В зеркале археологических памятников можно видеть, как весь этот исторический опыт, накопленный населением Дальнего Востока, привел к зарождению у него собственных первых государств. Решающий перелом происходит в первых веках нашей эры, когда на Дальнем Востоке и в соседней Маньчжурии были широко расселены племена, носившие общее название — мохэ.

До тех пор на протяжении тысячелетий общественные отношения характеризовались здесь устойчивым существованием общиннородового уклада. Огромные поселки из жилищ, группировавшихся как «соты в улье», обширные коллективные дома, в которых обитали десятки людей, — все это убедительно свидетельствует о жизни родовой общины, о крепости кровно родственных связей.

Теперь же, вместо огромных густо заселенных домов получают распространение малые жилища с одним центральным очагом. Это свидетельствует о глубоких переменах, о переходе от материнского рода к отцовскому. Таковы жилища в пади села Куркунихи, в Осиновке, в Приморье, а также многочисленные жилища в мохэских поселках на Амуре, в районе Благовещенска.

За этим переломом в общественной жизни следуют и иные, более значительные перемены. Не случайно уже в мохэское время здесь обнаруживаются, согласно письменным источникам, первые трещины в родовом укладе и зачатки государственности. И не случайно, будучи еще только на пороге государственной жизни, мохэские племена вступили в сношения с другими странами и народами как

самостоятельная политическая сила. В летописях сохранилось характерное сообщение о том, как мохэсцы явились к китайскому двору и начали военный танец. Увидев его, император сказал своим вельможам: «Между небом и землей есть же такие существа, которые только и думают о войне. Впрочем, владения их очень удалены от Срединного государства» (Китай).

Известно и то, что, когда во время войны Китая и Кореи корейские войска и их союзники мохэ были разгромлены, император поощаил корейцев, а мохэсцы были беспощадно казнены. В них император Китая видел самых опасных своих врагов. Впрочем, иногда и китайцы не прочь были использовать храбрость своих соседей как наемников в борьбе, например, с тюрками Монголии. Но сами мохэ не были подданными Китая, и их страна оставалась независимой.

Для характеристики культурно-политических взаимоотношений мохэ с соседними народами существенно, что они были исторически связаны не только с Востоком, но и с Западом, с теми степными народами, которые явились основой для современных казахов, киргизов, туркмен и других тюркоязычных народностей Советского Союза.

В ходе своей дальнейшей жизни такие государственные образования, как Бохай и чжурчженьская империя Цзинь, а также государство киданей Ляо, уже с первых шагов выступают на исторической арене как суверенные и независимые государства. Эта независимость выражается прежде всего в том, что они создают собственную экономику, самобытную национальную культуру, национальную письменность, оригинальную литературу, свои законы и обычаи. Столь же ярко выражена их суверенность в политике. Уже второй правитель Бохая бросает вызов самолюбию танского двора. Он принимает для своего правления императорский девиз, «няньхао», чем ставит себя наравне с императором Китая. Бохайцы ведут независимую

внешнюю политику и осуществляют постоянную дипломатическую связь с императорским двором в Японии.

Еще более резко выражена эта черта в деятельности чжурчженей. История чжурчженей — одна из самых ярких глав в летописи нашего Дальнего Востока. В пору его расцвета чжурчженское государство простиралось от Амура до Хуанхэ, захватывая также и часть Монголии. Это время было периодом наибольшего подъема экономики и расцвета культуры. Всюду виднелись пашни, сады и луга, на которых паслись табуны рогатого скота и лошадей — гордость чжурчженей.

На огромных пространствах, входящих в состав империи Цзинь, первобытное натуральное хозяйство уступило место более передовому, с широким употреблением денег. В стране была проложена разветвленная сеть колесных дорог. Следы их можно было еще недавно видеть в районе Уссурийска, а также в других местах Приморья. Родоплеменной строй, примитивная система управления, характерная прежде для чжурчженских племен, со временем сменилась хорошо разработанной и сильной административной системой, основанной уже не на устном обычном праве, а на писаных законах цивилизованного общества. Столь же активно действуют чжурчжени и в международной и политической жизни своего времени. Они не только открыто выступают как соперники сунского двора (династии, правившей тогда Китаем), но и ставят под угрозу и самое существование сунской империи. Чжурчженские феодалы сумели расширить свои владения почти до берегов Янцзы, а в ходе борьбы увели с собой в плен одного за другим двух сунских императоров и весь их двор, начиная с принцев крови, министров, кончая евнухами и астрологами.

Вместе с тем государственные деятели чжурчженей, например Улу (Шицзун), стремясь укрепить свое государство, сознательно и убежденно воспитывают в народе на-

циональный дух, национальное самосознание. Эта забота о сохранении национальной самобытности, как основе борьбы за существование своего народа и государства, стремление отстоять ее любой ценой, противостоять иноземным влияниям, подрывавшим единство государства, проходит красной нитью через всю историю чжурчженьской «золотой» династии Цзинь.

В истории Дальнего Востока периоду расцвета средневековой государственности и культуры контрастно противостоят последующие столетия — время упадка и застоя, что характерно, как не раз уже отмечалось различными исследователями, не только для этих районов, но и для всей остальной Сибири. Так, например, случилось и на Енисее, где прежде тоже существовало государство енисейских кыргызов (племенной союз).

В чем же заключалась причина такой отсталости и упадка? Для истории Дальнего Востока, как, по-видимому, и для страны енисейских кыргызов, несомненно, решающее значение имела катастрофа, вызванная образованием и агрессивной деятельностью империи монгольских феодалов, созданной Чингис-ханом. Монгольские войска уничтожили богатое государство чжурчженей и их культуру.

Роковую роль при этом сыграла политика старого противника чжурчженей — сунского двора. В это трагическое для народов Азии и Восточной Европы время тяжелый удар в спину чжурчженям, представлявшим заслон для Китая, нанесла сунская династия. Когда после падения царства тунгусов Ся смертельная опасность нависла над страной чжурчженей, последний ее император послал своего посла к сунскому двору со словами: «Монголы, истребив 40 княжеств, дошли до царства Ся. Уничтожив царство Ся, они пришли в наше государство. Если положат конец нашему царству, то непременно достигнут и царства сунского. Естественно, что когда нет губ, тогда

мерзнут зубы». Но ослепленные старой враждой сунцы заключили союз с монголами и вместе с ними выступили против чжурчженей, отчаянно оборонявших свои последние рубежи. Затем наступила очередь самого Китая. Монголы завладели Китаем и он оказался под властью завоевателей, поработивших народы Восточной Азии.

Последствия сокрушительного удара, нанесенного монгольскими завоевателями, продолжали сказываться и в последующие столетия, вплоть до возникновения в Манчжурии нового, манчжурского государства во главе с цинской династией. Едва успев возникнуть, это новое государство устремилось на завоевание Китая, что отвлекло его силы с севера на юг. Увлеченные борьбой за овладение Китаем и Монголией, манчжуры оставили без внимания никогда реально не принадлежавшие ни им, ни Китаю северные области — Амур и Приморье, граничащие с Манчжурией. Это в полной мере обнаружилось, когда русские землепроходцы начали освоение Амура и вышли на берега Тихого океана. Единственное, что попытались сделать манчжуры — это обезлюдить район Амура, увести оттуда туземное население, дауров и дучеров. Так эта область по существу оказалась нейтральной, «ничейной» зоной.

В дальнейшем, когда манчжуры поработили Китай, они систематически осуществляли свою традиционную политику всемерной изоляции Манчжурии и северных районов от Китая, что способствовало консервации древнего патриархально-родового уклада и вело к дальнейшему упадку экономики.

Так продолжалось до появления на Амуре и в Приморье русских, окончательно присоединивших эти области к Российскому государству и заложивших здесь основы цивилизации.

Расселение русских на Амуре и в Приморье, освоение ими этих пространств было естественным и неизбежным

продолжением освоения Сибири. Оно соответствовало общему ходу исторического процесса, а также интересам коренного населения. Для коренных племен сближение с русскими было единственным путем выхода из состояния застоя и первобытных форм общественной жизни. Оно спасло их от жесточайшей эксплуатации купцами и властями соседней Манчжурии.

Дальний Восток стал развиваться отныне по новому историческому пути, который в процессе революционного преобразования общества в конечном счете привел его народы к социализму.

Как видно из всего, что говорилось выше об истории северных племен Азии и, в частности, дальневосточных, летопись их прошлого раскрывается теперь во многом неожиданно и по-новому. Понятно, что в ней много пробелов, загадок. И много радостей, открытий. Об одной из них мне и хочется рассказать. Речь пойдет об одном из самых неожиданных и на самом деле загадочных открытий на Дальнем Востоке — о пещере на реке Пейшуле с ее таинственными скульптурами.

«Спящая красавица» Пейшулы

Летом 1966 года я получил письмо из Приморского филиала Географического общества, в котором говорилось, что группа туристов во главе с Е. Г. Лешоком совершила поход в долину рек Сучан и Майхэ и нашла там новые пещеры. «В одной из пещер длиной 45 метров, высотой от двух до семи метров, на расстоянии сорока метров от входа в последнем, небольшом зале длиной три метра, — писали владивостокские краеведы, — в стене с левой стороны обнаружено изображение женской головы азиатского

типа. О том, что в пещере есть изображение женщины, было ранее известно местным жителям из села Новохатуничи. Но дошло ли до нас это изображение из прошедших веков или сделано кем-либо из местных художников,— установить может лишь специалист».

Под письмом стояли подписи ученого секретаря Приморского филиала Географического общества В. Г. Приходько и действительного члена общества краеведа-спеолога Е. Г. Лешока.

С Ефремом Гавриловичем Лешоком нас соединяла давняя и прочная дружба. В поисках пещерных людей и остатков их культуры мы прошли с ним долгий и трудный путь от Сучана до Кавалерова, через горные хребты, по руслу горных рек до знаменитой Макрушинской пещеры с ее подземными пропастями и озерами. Тот же Е. Г. Лешок привел нас в пещеру на отвесной скале у села Екатериновки, в недрах которой залежали огромные, наполовину окаменелые кости ископаемых четвертичных животных. Впервые найденные тогда так глубоко на юге Приморья, в стране дикого винограда и женшенья, эти остатки первобытной фауны показали, что Приморье не миновало влияния суровых природных условий ледниковой эпохи. И те же самые кости указали путь, по которому на Японские острова проникли мамонты; их остатки, к удивлению геологов и палеонтологов, встретились на острове Хоккайдо. Вместе с мамонтами туда же должен был проникнуть из Приморья и палеолитический человек, вечный спутник и преследователь этого гиганта ледниковой эпохи.

Вокруг нас постоянно вились стайки мальчишек. Именно мальчишки первыми обнаружили в пещере (теперь она называется пещерой Географического общества) огромные кости ископаемых зверей. И они же помогали нам потом добывать все новые и новые образцы ископаемой фауны. Да и кто другой мог бы проникнуть в узкие подземные лазы, в самые потаенные тайны пещер!

Но на этот раз речь шла уже не о костях. К письму была приложена фотография, с которой на меня смотрело узкими, будто слегка прищуренными глазами женское, но вместе с тем и не женское — мужественное лицо. С резко очерченным овалом лица, узким подбородком и каким-то странным локоном с левой стороны головы...

А может быть, и в самом деле эту скульптуру на стене пещеры вырезал «кто-либо из местных художников»? Но тогда что за случай привел в эту глушь художника или скульптора, что заставило его заняться художественным творчеством в темной глубине подземелья?

Даже на фотографии, снятой наспех, ясно выступали черты лица человеческого, очерченные не какой-то случайной, неопытной и неискусной рукой, а подлинным мастером и притом таким, который следовал за конкретной антропологической моделью. Широкие массивные скулы, узкие, слегка скошенные глаза — все это выдавало черты лица «азиатского» — как писали мне из Владивостока, лица монголоидного типа. От фотографии, от этого небольшого желтоватого листка бумаги, исходило вместе с тем какое-то неуловимое, но от этого еще более волнующее ощущение глубокой древности и архаизма.

Сколько раз вот так же смутно, но глубоко, какими-то подсознательными путями подсказывала мне верное решение старая охотничья интуиция. И на этот раз прежние волнение снова готово было повести меня, как гончую собаку по следу.

Позже я узнал, что лет тридцать — сорок назад, на реке Пейшуле — притоке Майхэ, возможно в той же самой пещере или в соседних с ней, побывал исследователь природы Приморского края профессор Алексей Иванович Куренцов. Но он не отметил и не увидел в пейшулинских пещерах ничего похожего на эту удивительную скульптуру. Однако сколько раз опытные археологи-специалисты, которым наука обязана открытием пер-

вобытного человека и его удивительных художественных изделий из бивня мамонта, искали только в земле. Они копали дно пещеры и не видели рисунков на ее стенах. Нужно же было маленькой испанской девочке поднять голову к потолку Альтамиры, чтобы увидеть на нем выступавшую из вечной тьмы и полумрака массу быков, корчившихся в странных и невероятных позах. И разве не изучали, не описывали ученые еще двести лет назад колоссальные залы и переходы знаменитой Каповой пещеры на Урале? Но только истинному энтузиасту, зоологу А. В. Рюмину удалось совершить одно из величайших археологических открытий нашего времени. Найдя чудесные настенные росписи с изображениями мамонтов, лошадей и носорогов, он, по существу, заново открыл Капову пещеру. Однако побывавший вслед за ним представитель официального ученого мира так и не увидел там ничего, достойного внимания. Кстати, мои собраты археологи вместо того, чтобы отдать должное первооткрывателю первых палеолитических росписей в Восточной Европе, стали упрекать его за то, что он в своем увлечении видел изображения не только там, где они были, но и там, где рисовались его возбужденной романтической фантазией. Как будто то же не случается с признанным жрецами науки!

Одним словом, «Спящая красавица» (так окрестили скульптуру ее первооткрыватели) уже не давала мне покоя. Я все острее ощущал желание войти в темный зал, где под мерный стук капель, падающих со свода пещеры, в бархатной тьме сияла белизной моему воображению таинственная скульптура.

Правда, нашей экспедиции, прежде чем попасть на реку Майхэ, а затем и на Пейшулу, нужно было побывать на раскопках в просторной Агинской степи, поработать в глухой тайге верхнего Приамурья, в долине реки Зеи — на речке Громатухе. Оттуда наш путь лежал вверх по Амуру.

Затем к Владивостоку. И только после этого, когда уже кругом дышала прохладой золотая приморская осень, наш грузовик мчался по превосходной шоссейной дороге вверх по Майхэ.

Пещера открылась, как это часто бывает, внезапно, нешироким, но довольно уютным жерлом, обращенным к долине. При входе в нее можно было стоять слегка согнувшись, дальше свод круто поднимался вверх и там открывался просторный зал с куполовидным потолком. У входа я еще раз испытал чувство, какое пережил много лет назад, когда увидел прохладную высокую нишу Тешикташа, где был найден неандертальский мальчик...

Первый зал оказался просто великолепно приспособленным для жизни в нем древнего человека. Он был просторен, с высоким потолком и сравнительно ровным полом, который полого поднимался в глубь пещеры. У входа еще виден был солнечный свет. Дальше же пещерные сумерки постепенно густели, пока, наконец, мы не вступили в царство вечной ночи.

Нас окружало фантастическое богатство, что — на сухом точном языке геологов — зовут натечными образованиями. Правда, здесь не висели с потолка сверкающие сосульки сталактитов, не было высоких белокаменных колонн. Но не надо было большого усилия фантазии, чтобы увидеть на стенах готовые, «отприродные» скульптуры, созданные случаем, без участия человеческой руки. Из шершавой холодной стены грота выступало массивное туловище зверя с крутым горбом. У него можно было увидеть даже длинный, свисающий вниз хобот. Вдруг я увидел обезьяну, а рядом слона...

Вот так, с крутым горбом и гибким хоботом, рисовал в своих пещерах — в той же Каповой пещере на Урале — палеолитический человек своих современников, мохнатых мамонтов. Здесь же освещенные неверным, колеблющимся светом свечи, эти странные образы, созданные случаем и

нашим воображением, как будто бы двигались, подобно живым: не так ли оживали недра перед глазами нашего далекого предка! И не в этой ли свободной игре ассоциаций лежат истоки художественного творчества?

Сколько мы знаем примеров, когда готовые естественные формы сталагмитовых образований подсказывали палеолитическому художнику образ зверя и ему оставалось только подчеркнуть контур фигуры, одним-двумя мазками краски оттенить самое главное, существенное. Так родились, например, и первые бизоны гигантского плафона в Альтамире. На глазах изумленного зрителя они вырастают из неровного бугристого потолка пещеры, будто порожденные самой стихией матери-земли.

Не такая ли «игра природы» сама «Спящая красавица»? Мой постоянный спутник и помощник, кандидат исторических наук А. П. Деревянко, как всегда, был настроен недоверчиво. Но вот перед нами на отвесной стене грота из мрака выступило лицо. Нечто совершенно неожиданное, своеобразное! Это было то, о чем фотография могла дать только приблизительное и упрощенное представление. С первого взгляда скульптура производила впечатление женской головы. Изящество этого лица, при внимательном рассмотрении, заключалось в тонких линиях резьбы, которыми неведомый скульптор оконтурил глаза и рот. Столь же нежно был оформлен подбородок, узкий и тонкий. Но стоило взглянуть на нее не в фас, а сбоку или в другом ракурсе — сверху, и скульптура мгновенно меняла облик. В ней выступало нечто новое: суровое и жестокое. Властные сухие губы, замкнутые печатью вечного безмолвия. Слегка прищуренные глаза, от которых исходило впечатление жестокости и сосредоточенной внутренней силы. Голова покоилась на длинном сталагмите — естественной шее скульптуры. К нему не притронулся резец скульптора: попросту это было ненужно.

Скульптура эта на стене Пейшулинской пещеры изоб-

ражала, скорее всего, какого-то знатного воина-аристократа. Достаточно было взглянуть на нее, чтобы сразу же отпала мысль, что ее мог выполнить ради шутки какой-нибудь фальсификатор нашего времени. На ней лежал явственный отпечаток прошедших веков. С нами необычным языком говорил настоящий мастер, художник высокого класса, достигший высот культуры своего времени, а не просто ремесленник.

Теперь можно было представить себе тот путь, что привел древнего мастера к созданию этого шедевра. Как и мы, он видел те же странные фигуры, похожие на обезьян и слонов. Из тьмы на него пугающе и чудесно взирали загадочные маски и химеры. Протиснувшись по жидкой пещерной грязи сквозь узкую щель в последнюю, самую потаенную полость пещеры, он увидел прекрасную, почти живую человеческую шею. А над ней овальное расширение, выпуклость по форме и размерам такую же, как обычное человеческое лицо. На ней не хватало только деталей — глаз и рта. И, загоревшись мгновенным порывом, он взял нож, а потом какое-то зубчатое орудие, остававшееся на мягком камне легкие, еле заметные параллельные штрихи, точь в точь такие, как на лицах знаменитых скульптур из древнего бенинского царства в Африке. Высекая лицо, неведомый скульптор бережно оставил на месте причудливый натек сталагмитовой массы слева. Он был так похож на пышный локон, и так хорошо лежал! Этот локон, сделанный нечеловеческой рукой, смягчает суровость изваянного некогда в темной глубине пещеры гордого и сурового лица. И уж не он ли придает всей скульптуре такой неуловимый налет женственной грации?..

Вылезая обратно из узкой расщелины в первый большой зал, я коснулся рукой скалистого выступа, висевшего над головой, и сразу почувствовал что-то гладкое, такое же выпуклое, как на скульптуре «Спящей красавицы».

Когда свет свечи упал на выпуклость, мы увидели не только овал лица, чем-то напоминающий лица бодисатв и святых на изображениях со стен древних буддийских храмов, но и еле заметные очертания рта в виде выпуклой каймы с углублением внутри. Это была вторая, еще никем не замеченная, скульптура, только лишь незаконченная или поврежденная временем. И уж совсем неожиданным оказалось еще одно скульптурное изображение, обнаруженное на левой стене большого зала. Сверху на высоте трех с половиной метров на нас глядел грозный лик, выполненный в той же манере, что и первая скульптура, и тем же способом. Мастер и здесь использовал готовую сталагмитовую основу, которая явно подсказала ему поворот головы. Резко очерченный нос, разлет бровей, ощущение огромной динамической мощи, крутой поворот головы совсем как у врубелевского поверженного Демона. Конечно, это была не копия знакомой картины, но это был Демон, гордое и могущественное существо титанической силы и страсти. После того как были тщательно обследованы сантиметр за сантиметром, метр за метром все стены и потолок пещеры, все ее закоулки и выступы, вся масса сталагмитовых наплывов, я вдруг увидел над самым входом в большой зал одну маленькую полость. Из нее на меня в упор смотрела миниатюрная головка, также вырезанная из сталагмитовой выпуклости. Она была похожа на жемчужину, спрятанную в глубине морской раковины. И точно так же, как у всех остальных пейшулинских скульптур, мастер, чьему резцу она принадлежала, не тратил лишних усилий на свою работу. Он ограничился небольшим: подчеркнул овал лица, наметил нос, рот. Все остальное за него сделала природа. Однако и эта скульптура, как все остальные, имела собственный неповторимый облик. Она напоминала каким-то неуловимым и тонким сходством сасанидские геммы — изображения на драгоценных камнях в древнем Ираке. И, наконец, еще одна

скульптура была обнаружена в пещере «Спящей красавицы» — лицо мужчины.

Так, никому не известная пещера на реке Пейшуле оказалась настоящей художественной галереей, подземным музеем древнего искусства.

Перепаханные желтой грязью, усталые и продрогшие от холода и сырости, вылезали мы из своего пещерного святилища. Кругом сияло ослепительное солнце, вдали шумела Пейшула, от распаренных кустов и трав шел терпкий осенний запах. А перед нашими глазами все еще стояли удивительные и загадочные образцы подземного мира.

Так кто же и когда именно вырезал на сталагмитовых глыбах эти пластические образы далекого прошлого? Чья рука первой прикоснулась к причудливым натекам сталагмитов, чтобы вызвать к жизни «Воина», «Демона», «Бодисатву» и миниатюрную «сасанидскую» головку в ее нише-раковине?

Летописи и археологические раскопки дают теперь представление о том, что высокие культуры и могущественные государства средневековья, Бохай и чжурчженское государство Цзинь оставили свои следы на территории Приморья и Приамурья. Создатели этих государств — древние тунгусские племена — уже в VII—IX веках нашей эры, в одно время с Киевской Русью, распахивали пашни на плодородных равнинах в долинах Суйфуна и Сучана. Они строили свои горные гнезда-крепости в той же долине Майхэ, где находится Пейшулинская пещера. У них были поэты, художники и ученые. Они создали свою национальную литературу, а бохайский театр завоевал сердца японцев в ту блестящую эпоху расцвета придворной культуры, когда столица японского государства помещалась в древнем городе Нара. Может быть, в пещере на Пейшуле побывали скульпторы древнего Бохая или цзиньские мастера? Во всяком случае, по степени совершенства скульп-

тура Воина, а вместе с ней и фигура Демона из нашей пещеры не уступают всему, что дошло до нас из той эпохи.

Повторяю еще раз: существенно, что цивилизация средневекового Дальнего Востока выросла не из каких-то чужеземных корней, а имела местную основу, свои собственные корни, которые глубоко уходят в туземную почву, в глубь истории местных аборигенных племен. Нашли же мы на Голубиной сопке под слоем с обломками серых чжурчженьских, а может быть, и бохайских сосудов седище первых земледельцев, вооруженных каменными орудиями труда. И уже в конце первого тысячелетия до нашей эры существовали на территории Приморья и позднейшей Кореи мощные государственные объединения, оставившие глубокий след в летописях Восточной Азии. В этих летописях, переведенных на русский язык знаменитым русским востоковедом Иакинфом Бичуриным, есть рассказ о пещере предков правящего дома одного из древних «варварских» государств Восточной Азии. Судя по всему, пещера эта помещалась где-то в районе нашего Приморья или поблизости от него...

Вернувшись из экспедиции, в один из зимних вечеров я перелистывал страницы «Двадцати четырех династийных историй» и наткнулся на раздел, посвященный династии Когуре, правившей в начале первого тысячелетия нашей эры, задолго до возникновения Бохайского государства. «На Востоке страны,— говорилось в летописи,— имеется большая пещера, которая называется Сухель — пещера духа Су. В десятом месяце, когда собирается народ всей страны, изображение духа Су водворяется у реки, находящейся в восточной части страны, и там совершается жертвоприношение ему».

Чтимые пещеры — обители предков — существовали и у других народов древности. В культе таких пещер, должно быть, жили древнейшие представления о пещерном

прошлом человечества, о далеких первобытных временах, когда в погоне за табунами северного оленя, за мамонтами и носорогами усталые охотники находили свой приют под их гостеприимными сводами. И нет ничего удивительного, что у древних обитателей Приморья тоже была своя пещера предков, из которой, согласно легенде, вышли их мифические прародители. Еще вероятнее, что пещера служила храмом не всего народа или племени, а возглавлявшего это племя аристократического рода.

Созданный не волей человека и не по плану архитектора, он как бы олицетворял игру стихийных сил природы. Здесь когда-то бежал подземный ручей, а может быть, и полноводная река. Она-то и вырыла в толще известнякового массива длинный высокий туннель, соорудила сводчатый зал. И все это, может быть, задолго до первого появления человека в нашей горной долине, очевидно, совсем не похожей на современную. Природа же одела стены пещеры сверкающим покровом из сталагмитовой коры, украсила их причудливыми натеками удивительной красоты.

Конечно, нерукотворный пещерный храм на Пейшуле не имеет ничего общего с настоящими буддийскими храмами, высеченными искусными мастерами Востока в глубине гор. Но его с полным правом можно назвать преемником палеолитических расписанных пещер.

В нем царит тот же творческий дух, который вызвал к жизни бизонов Алтамыры в Испании и первые глиняные скульптуры пещерных санктуариев Франции в Монтеспан, Комбарелль или Ле-Рок де Серс.

В пещере на реке Пейшуле мы вновь соприкоснулись с неведомым ранее культурным очагом далекого прошлого, увлекательного и таинственного.

Искусство истории

Читатель познакомился с некоторыми фрагментами огромного коллективного труда, который зовется «Историей Сибири». Правда, пока речь шла в основном о временах весьма отдаленных и таинственных, завесу с которых археологам приходилось снимать пласт за пластом, а сетку времени устанавливать с помощью новейших методов физики.

А вот новая и новейшая история Сибири — это время, которое хранится в памяти живых свидетелей (в Сибири немало долгожителей!) и которое запечатлено в жизни людей моего поколения. И мы хорошо помним, как писалась еще недавно история Сибири.

...В 1920 году, на желтой, почти оберточной бумаге в типографии штаба Военного округа была напечатана книжка профессора Иркутского университета Владимира Огородникова: «Очерки истории Сибири до начала XIX столетия». В подзаголовке ее стояло: «Часть первая. Введение. История дорусской Сибири». Автор этой книги справедливо писал, что история Сибири в его время «была почти совершенно забыта современными исследователями». Он объяснял такое положение отсутствием подготовительных работ, «печальным состоянием» печатных источников и неразработанностью архивных материалов.

Но Огородников не учел, вернее не мог представить, еще одной, пожалуй, важнейшей причины. Книга его вышла в свет в то переломное время, когда в одноэтажном деревянном Иркутске произошла последняя кровавая схватка революции с ее врагами, когда над огромными пространствами Сибири взошла заря новой исторической эры, начиналось строительство новой социалистической жизни.

История северных народов Азии как наука, в полном

и настоящем смысле этого слова, стала возможной только после победы Октябрьской революции. К числу многих забытых прежде народов, которым Октябрьская революция дала новую жизнь, относятся и народы нашего севера, самые имена которых, казалось, были навсегда утрачены.

Строительство социализма — вот тот новый мощный стимул, тот катализатор, который вызывал живой и все возрастающий интерес к прошлому прежней царской колонии, а ныне — форпосту социализма на Востоке. Да и сама по себе возможность реализации такого огромного смелого замысла, как создание первой многотомной марксистской истории Сибири, возникла в результате подминной культурной революции в прежней стране ссылки и каторги. В ней выросли десятки высших учебных заведений, сотни техникумов, выросла мощная исследовательская организация академического профиля — Сибирское отделение Академии наук СССР.

Созданию капитального и всеобъемлющего исследования предшествовали десятки больших и малых работ, многие из которых уже упоминались здесь. И в наше время сибирские историки издали ряд крупных трудов — монографий, подняли целые залежи неизвестных ранее, покрытых вековой пылью исторических источников. Ими написаны обобщающие труды по истории бурятского и якутского народов, алтайцев, тувинцев, хакасов, народов Севера. Вышли книги, посвященные истории отдельных городов — Иркутска, Новосибирска, Томска, Тюмени и многих других. В Кемерово подготовлен двухтомный труд по истории Кузбасса. Свою долю в «Историю Сибири» на равных правах с историками вносят археологи, этнографы, литературоведы.

Так что ж такое, эта новая Сибирская история? Как выглядит прошлое народов Сибири в зеркале современной исторической науки?

Дорусская история Сибири привлекала, как сказано

уже, первых исследователей прошлого Сибири, начиная с самого «отца сибирской истории» — Миллера. Но для него дорусская Сибирь была ограничена временем господства монголов и татар в Западной Сибири. И, кроме того, такое вступление было лишь прелюдией для изображения военных событий, связанных с началом присоединения Сибири. Иначе не могло и быть. Миллер смотрел на все происходившее к востоку от Урала с точки зрения своего класса — феодалов, крепостников и бюрократической верхушки тогдашнего русского государства. Он видел суть истории в том, в чем искал ее позже и Август Шлёцер — в войнах и деятельности завоевателей, в поступках императоров и царей. Народы Сибири для него были не субъектом, а объектом исторического процесса.

Мысль о неспособности коренных народов Сибири к самостоятельной исторической жизни и культурному творчеству нашла в XVIII веке и неожиданное выражение во взглядах ряда ученых, интересовавшихся далеким прошлым и археологическими памятниками этой малоизвестной Западу страны. Их поражали богатства курганов южной Сибири, откуда происходили драгоценные изделия из золота, отмеченные печатью зрелого художественного вкуса и фантазии.

Удивление перед памятниками высокой и древней культуры, находящимися в стране, заселенной «грубыми, злыми и дикими язычниками», сквозит уже в труде Николая Витзена, голландского ученого и бургомистра, автора «Описания Северовосточной Татарии». Среди ряда других гипотез о создателях этой древней культуры в XVIII веке возникла и гипотеза ученого аббата Бальи о том, что это были... атланты Платона. В своих «Письмах о Платоновых Атлантидах» (Париж, 1779), он писал, что Атлантида вовсе не была поглощена морскими волнами и не стала жертвой вулканической катастрофы. Она, утверждал Бальи, в действительности находилась в глубине

азиатского материка, около нынешнего Минусинска, на Енисее, где жил в древности «просвещенный народ, первый изобретатель наук и наставник рода человеческого».

Кому же другому, как не атлантам, могли принадлежать, по его мнению, эти грандиозные курганные поля, обставленные многотонными плитами, удивительные изделия из золота и серебра с изображениями сказочных чудовищ, загадочные стелы, покрытые письменами на неизвестном языке?

Такое же впечатление произвели сибирские древности и на Шлёдера. Правда, он не был согласен с «бреднями» Балли, Бюффона и Вольтера, которые по его энергичному выражению «верные русские известия отменно худо поняли и исказили». Но что касается Сибири, то здесь, — писал Шлёдер, — «находят живые следы просвещенных народов, которые в древние времена, быв совсем неизвестны остальному миру, занимались тут горною работою, но знали одну только медь, а не железо».

Но уже в то далекое время, когда русская историческая наука еще только складывалась и проходила свои первые шаги, обнаружилось и противоположное направление. Его представителями были помор Ломоносов, солдатский сын Степан Крашенинников. Всего ярче выразил эти взгляды Александр Радищев, «рабства враг и друг свободы». По их представлениям истинным творцом истории России и главным ее героем был сам русский народ.

Отдавая должное русскому народу-исполину, они вместе с тем увидели историю Сибири с новой стороны, как историю населявших ее аборигенных племен и народов. Древние культуры и жизнь сибирских народов, верования и поэтические мифы — все это было им в равной мере интересно и поучительно.

Крашенинников нашел на Камчатке, переживавшей тогда затянувшийся конец каменного века, не грубых дикарей, а таких же, как мы, людей и даже философов,

стремившихся, по его словам, «изведать самую мысль птиц и рыб». Во всем этом раскрывались Крашенинникову черты столь же огромного, как и неизведанного мира.

Со временем, в ходе дальнейшей борьбы идейных направлений, выросла и оформилась идеология нового класса — буржуазии, европоцентризм, выражавший интересы империалистической буржуазии Запада. С точки зрения европоцентристов, источником прогресса в мировой истории была Европа. «Вечная Европа»! За ее пределами, за гранью «истинной цивилизации» находился мир косности и варварства, лежала коренная глубинная Азия. Та самая, «золотая дремотная Азия», что, по словам поэта, навеки «опочила» на своих куполах... Иначе говоря — отсталые и эксплуатируемые европейским капиталом колониальные и зависимые страны.

Одним из примеров такой тенденции была, например, попытка одного из крупных немецких археологов объяснить возникновение земледелия и расписной керамики в долине реки Желтой миграцией арийцев из Центральной Европы на Дальний Восток.

Как полярная противоположность европоцентризму выступила другая крайность, азиацизм, не менее, если не более, древний. Одни продолжают развивать мысль об извечном превосходстве «белой» европейской расы. Другие стремятся доказать такое же исконное превосходство какого-либо одного из народов Азии, какой-либо одной азиатской страны и одной культуры. «Свет с Востока», — твердят одни, «С Запада», — другие.

Для феодальных, а затем и буржуазных историков Китая типично противопоставление истории Китая истории народов, его окружающих. Их именовали не иначе как «варварами». С точки зрения великодержавной идеологии, «варвары» противостояли избранной нации как косная и пассивная масса, способная только разрушать или усваивать уже готовую культуру. Характерно в связи с

этим, что китайский буржуазный историк Сюй Чжо-юн, работавший ранее на Тайване, а теперь являющийся сотрудником департамента восточных языков и литературы Чикагского университета, счел необходимым подчеркнуть в специальном примечании к изданной в США моей работе о древнем населении Сибири, что «конечно, варварское государство (имеется в виду Бохай.— А. О.) никогда не пользовалось среди китайцев «репутацией страны просвещения и ученых».

Даже в тех случаях, когда изучение древней истории народов Северной Азии позволяет обнаружить их бесспорные достижения в области культуры или общественного строя (например, наличие собственных древних государств типа того же Бохая), зарубежные историки нередко связывали это лишь с благотворным воздействием на «варваров» их «цивилизованных» соседей — дальневосточных государств: Танского Китая, Японии эпохи Нара. Как уже говорилось, некоторые русские востоковеды XIX века также объясняли возникновение бохайского государства и чжурчженьской империи Цзинь влиянием феодального Китая.

Идеологи японского империализма, в свою очередь, пытались историческими доводами «обосновать» захватнические действия Японии на материке и попытки создать там свою «сферу процветания».

Несмотря на их кажущуюся противоположность, сущность европоцентризма и азиацизма одна — идея расовой исключительности одних народов и неполноценности — других. Отсюда идет, в частности, преувеличение политического, экономического и культурного влияния одного из народов Азии, одной страны — Китая на соседние с ним народы и страны. И, соответственно, принижение творческой роли и активности других народов.

Принципиально иной взгляд на взаимоотношения народов в истории Сибири и других стран Азии, как мы ви-

дели, лежит в основе исследований прогрессивных ученых XIX—XX веков — наследников просветителей XVIII века. Они считали, что каждый народ вносит свой вклад в мировую историю и в культуру человечества. Этот взгляд нашел теоретическую основу в марксистско-ленинской трактовке отношений между народами, в ленинской национальной политике.

История человечества для нас никогда не исчерпывалась тем, что создано одними европейцами или некоторыми отдельными народами Азии. Нам одинаково непонятен и чужд «европоцентризм» и «азиациентризм», частным проявлением которого является «кигаецентризм» сторонников Мао Цзэ-дуна.

Прямым выражением нашего интернационалистического взгляда на взаимоотношения народов служит тот факт, что истории Сибири до присоединения ее к русскому государству, дорусской истории ее народов, посвящен целый том нового обобщающего труда советских ученых.

Изучая конкретные связи и взаимодействие сибирских народов с другими народами и странами, историки увидели много такого, что в корне меняет традиционный взгляд на древние народы и культуры Сибири. Чертами своеобразия, например, отмечены уже древнейшие памятники культуры сибирских племен, начиная с палеолита.

В неолите (около 5—4 тысяч лет назад) между Уралом и Тихим океаном сложились новые культуры, одна необычнее другой. Возник целый новый мир!

Если в Западной и Восточной Сибири, от Урала и до Яблоневого хребта были рассеяны шатры бродячих охотников, то вдоль великой азиатской реки Амуре стояли прочные полуподземные дома. Гнездились поселения оседлых племен. И самое удивительное, что на Среднем Амуре и в Приморье обнаружился собственный, туземный очаг древнейшего земледелия, возникший еще в каменном веке.

У жителей неолитического Дальнего Востока в те от-

даленные времена достигло неожиданного совершенства и искусство. Это была страна, где не только сосуды, но и огромные базальтовые глыбы, целые скалы на берегах Амура и Уссури украшались странными фантастическими личинами, покрывались пышным криволинейным узором.

Уже в то далекое время, в IV—II тысячелетиях до н. э., культура неолитических племен Амура по уровню развития была ничем не ниже одновременной культуры других племен, обитавших далеко к западу, в признанных всеми передовых областях Европы, на Дунае или Днепре, а также в соседних областях Азии, например, в тех, что расположены вдоль реки Хуанхэ. Этот факт является еще одним ударом по теории «низших» и «высших» рас: взаимоотношения жителей долины реки Желтой с соседними «варварами», оказывается, были не столь контрастными, как это изображали националистически настроенные историки Китая. Более того, рассматривая культуры Китая более поздней эпохи, известный западный синолог В. Эберхард издал две монографии, где обстоятельно обосновал мысль, что культура древнего Китая возникла в результате «переплавки» ряда локальных культур, созданных «варварами юга, севера, запада и востока».

После того, как кончилась эпоха неолита, век за веком, тысячелетие за тысячелетием, на Алтае и в степях Забайкалья, в тайге Якутии, в тундре и в Уссурийской тайге сменялись культуры местных племен, шел неудержимый исторический процесс.

Многим историкам прежде казалось, что в эпоху, когда народы Сибири вошли в состав могущественного централизованного государства, созданного русским народом, первостепенное значение имел торговый капитал; что Сибирь была присоединена в погоне за собором. Так думал

А. П. Шапов, об этом позже писали М. Н. Покровский и даже С. В. Бахрушин.

Теперь мы смотрим на этот процесс шире, многое видим яснее. Конечно, алчность купцов гнала их за драгоценной пушниной в самые далекие края — шли караваны в Пекин, плыли корабли к берегам Америки. Но первая роль на исторической сцене Сибири, начиная с XVII века, принадлежала не конкистадорам и купцам, не воеводам, а крестьянину. Человеку труда, который впервые корчевал тайгу и поливал ее своим потом. Жесткая посконная рубаха пахаря покрывалась соленой коркой, когда он бороздил деревянной сохой девственную землю. Это он, крестьянин, строил высокие стены крепостей и возводил удивительные рубленые церкви. Их шатры, высокие как у готических соборов, вздымались в небо легко и свободно, как песня.

В свете этого стало понятно, почему история сибирских народов пошла принципиально иначе, чем история индейских племен Америки или Тасмании.

Они не были истреблены. Якуты выросли, например, численно в три раза. Сохранили свой бытовой уклад, свои языки. И, несмотря на весь фанатизм русского духовенства, у них до начала XX века уцелели даже исконные религии, в том числе древнее шаманство.

На смену старым феодальным порядкам шли капиталистические отношения. На фоне бурного роста производительных сил развертывалась борьба нового класса — буржуазии за власть и могущество. Но со временем в эту борьбу вступает и новая, третья сила — пролетариат.

Следующие тома «Истории Сибири» посвящены Великой Октябрьской социалистической революции и советскому периоду в истории Сибири. Страна каторги и ссылки, край, который был для помещиков и капиталистов ко-

лоңией, прошел сквозь железо и кровь гражданской войны. Сколько их, безмолвных памятников в честь героев этой великой борьбы, стоит в городах и бесчисленных таежных селах! А затем, вместе со всей советской страной, Сибирь вступила в новую эпоху строительства социалистической жизни.

Однако история Сибири не только прошлое, даже не только настоящее, но и ее завтрашний день. Эпопея освоения Сибири продолжается и масштабы этого освоения возрастают. Это по-прежнему одна из важнейших задач нашего народа на Востоке страны. И историк Сибири, как и каждый, кто живет в ней и работает, смотрит всегда вперед, из прошлого — в будущее. Смотрит и мечтает о завтрашнем дне, еще более захватывающем, чем все, что было и есть в истории нашего огромного и прекрасного края.

СОДЕРЖАНИЕ

В поисках первых обитателей	9
Откуда пришли эскимосы?	12
На «краю света»	22
Первые государства Сибири	31
«Спящая красавица» Пейшулы	43
Искусство истории	54

Алексей Павлович Окладников

ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ

Редактор Л. Ланина

Худож. редактор Е. Соколов

Техн. редактор Л. Дороднова

Корректор И. Поршнева

Художник В. Чумаков

А 12037. Сдано в набор 20/IV 1967 г. Подписано к печати 4/X 1967 г. Формат бумаги 70×108/32. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,0. Печ. л. 2,0. Условн. печ. л. 2,8. Уч.-изд. л. 2,79. Тираж 40 600 экз. Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Зак. 1538. Типография изд-ва «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.
Цена 8 коп.

8 коп.

Индекс
70073

ИДЕТ ПОДПСКА
НА 1968 ГОД!

Серия
научно-
популярных
брошюр

«НАУКА О ЗЕМЛЕ»

Индекс 70076

Рассказывает о новых открытиях наук о Земле и о том, что помогает делать эти открытия.

В 1968 году в числе других выйдут следующие брошюры:

Арманд Д. Л., докт. геогр. наук. **Физическая география в наши дни.** Банников А. Г., докт. биол. наук. **Печорский заповедник.** Горбунов Г. И., докт. геол.-минер. наук. **Минерально-сырьевая база СССР.** Горшков Г. П., чл.-корр. АПН. **О чем говорят недра.** Данилов С. К., докт. геогр. наук. **География транспорта СССР.** Кларк Артур. **Рифы Тапробэйна.** Перевод с английского. Некрасов Н. Н., чл.-корр. АН СССР. **Использование природных ресурсов и размещение производительных сил в СССР.** Погосян Х. П., докт. геогр. наук. **Грозные явления атмосферы.**

Всего 12 брошюр в год средним объемом 48 стр. каждая. Подписная плата на 12 мес. — 1 руб. 08 коп.

В каталоге «Союзпечати» серия «Наука о Земле» расположена в разделе «Научно-популярные журналы» под рубрикой «Брошюры издательства «Знание».

Издательство «Знание»